

Николай ПОДПРЯТОВ

ЭТНИЧЕСКИЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ ОТРЯДЫ РУССКОЙ АРМИИ НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается опыт привлечения к работам для нужд фронта представителей народов, освобожденных от отбывания воинской повинности. Анализируется распределение и использование рабочей силы в условиях мобилизации экономики.

The article considers the experience of calling in representatives of ethnic groups, which were exempted from military service, to work for the army needs. The author analyzes the distribution and the use of human resources under conditions of economics mobilization.

Ключевые слова:

военная служба, реквизиция, мобилизация трудовых ресурсов, этнические группы, Первая мировая война, рабочие партии; military service, requisition, mobilization of labor resources, ethnic groups, World War I, working units.

Деятельность органов государственного управления в прошлом не всегда пользуется пристальным вниманием ученых, особенно тогда, когда такие действия не приводят к немедленному и очевидному положительному результату. Одним из таких фактов в историческом прошлом России является набор представителей этнических меньшинств империи, освобожденных от воинской повинности, на так называемый трудовой фронт в годы Первой мировой войны.

Государства, втянутые в Первую мировую войну, были вынуждены вести тяжелые позиционные бои, преимущество в которых оказывалось на стороне лучше вооруженных, укомплектованных и обеспеченных всем необходимым войск. В большей степени это была война экономик. На Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства под председательством главы правительства Б.В. Штюрмера 23 апреля 1916 г. обсуждался вопрос о катастрофическом положении с ведением работ по устройству военных сооружений и сообщений в ближайшем тылу армии. В конце апреля 1916 г. военный министр вышел с ходатайством в Совет министров о реквизиции, т.е. призыве в рабочие дружины представителей этнических меньшинств, освобожденных от воинской повинности, — инородцев, как их тогда называли, — от 17 до 43 лет численностью в 400 тыс. чел. и 49 тыс. подвод в первую очередь. Совет министров поддержал эту инициативу военного ведомства.

Повеление императора «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ» было принято 25 июня 1916 г.¹

Проводить набор и распределять рабочих было поручено мобилизационному отделу главного управления Генерального штаба. 18 августа военный министр генерал от инфантерии Д.С. Шуваев докладывал начальнику штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексееву, что может быть призвано инородцев в Иркутском

ПОДПРЯТОВ

Николай

Вячеславович —

д.и.н., доцент;

заведующий

кафедрой общей

отечественной

истории ПГНИУ

podpnyatov1961@

yandex.ru

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 1915, оп. 2, д. 6, л. 85; Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1276, оп. 11, д. 89, л. 33; ф. 1292, оп. 1, д. 1916а, л. 18–19, 77–78; д. 1920, л. 1, 2; Журналы Особого совещания по обороне государства, 1916, ч. 1. — М.: Институт истории СССР АН СССР, 1977, с. 324.

военном округе всего 16 тыс. чел., в Омском — 63 тыс., в Казанском — 66 тыс., в Туркестанском — 262 тыс. и в Кавказском — 135 тыс. Итого — 542 тыс. чел.¹

Днем мобилизации было назначено 6 июля. Однако вспыхнувшие в Туркестане волнения заставили власти 30 июля принять решение отсрочить призыв на тыловые работы, а уже собранных реквизируемых распустить по домам до 15 сентября, о чем и было объявлено 2 августа².

В действительности всего к весне 1917 г. мобилизовано 223 644 рабочих. Из них почти 123 тыс. — из Туркестана, около 80 тыс. — из Степного края (нынешний Казахстан) и 21 тыс. — из Забайкалья³. Мобилизованные рабочие направлялись в подчинение военных властей и руководителей оборонных предприятий. На каждом фронте для тыловиков были устроены пункты сбора. Для Юго-Западного фронта это был Харьков, для Северного — Псков. На Западном фронте таковыми являлись Орша и Гомель. В Орше для приема партий инородцев было заготовлено 49 землянок на 60 чел. каждая, кухня на 3 тыс. чел., колодец. Тыловые рабочие поступали в распоряжение главных начальников снабжения фронтов: С. Чаева (Северный фронт), Григорьева (Западный фронт), Е.Ф. Эльснера для производства железнодорожных, грунтовых и шоссейных работ и лесозаготовок.

К октябрю 1916 г. были утверждены штаты рабочих партий на фронтах, которые комплектовались по 500, 1 000 или 2 000 чел. Партия разделялась на рабочие отряды численностью в 500 чел. каждый. Отряд приравнивался к роте из 5 взводов (сотен) под командованием фельдфебеля и 5 взводных унтер-офицеров с приданным к отряду фельдшером⁴.

Так, 42-я партия, составленная примерно наполовину из калмыков Черноярского уезда Астраханской губернии (670 чел.) и наполовину из киргизов

(казахов) Гурьевского и Тимирского уездов Уральской области и Астраханской губернии, начала формироваться только 8 октября 1916 г. и завершила комплектование 2 февраля 1917 г.⁵

Начальником был назначен надворный советник Г.Д. Королев. В партии был 1 офицер из 3 положенных по штату, 2 фельдшера, 36 строевых нижних чинов, 26 нестроевых и 1 041 калмык и киргиз (казах). В каждой сотне был переводчик, сотник, писарь. Мулла был один на всю рабочую партию⁶. Партия была направлена в Дубенский уезд Волынской губернии.

В середине марта 1917 г. инородцы рабочих партий были приведены к присяге на верность Временному правительству. К присяге приводил сам начальник партии и мулла (или иной священнослужитель). Завершалось принятие присяги молением и подписями грамотных мобилизованных⁷. Каких-либо эксцессов со стороны рабочих переприсяга не вызвала, т.е. они остались равнодушными к смене самой власти в стране.

2 июля 1916 г. Межведомственное совещание по вопросу о привлечении инородцев к работам в тыловых районах (в него входили представители военного министерства и министерства внутренних дел, а также Особого совещания) приняло решение о порядке содержания мобилизованных (реквизируемых) рабочих. Основы правил внутреннего порядка в партиях рабочих в тылу армий были введены приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего № 1337 только 29 сентября. Причем рабочие поступали под общее наблюдение главного начальника военных сообщений⁸.

За свой труд реквизируемым назначалась плата — 1 руб. за рабочий день, не считая казенного продовольствия, но за вычетом стоимости одежды и обуви по утвержденным интендантством расценкам. При этом плата могла как увеличиваться, так и уменьшаться в зависимости от производительности труда рабочего. Снабжение было предусмотрено по сол-

¹ РГВИА, ф. 1915, оп. 2, д. 6, л. 113; РГИА, ф. 1276, оп. 11, д. 89, л. 33; ф. 1292, оп. 1, д. 1916а, л. 18—19, 77—78.

² РГВИА, ф. 1468, оп. 2, д. 303, л. 5, 197; РГИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1933, л. 421.

³ РГИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1920, л. 13—15; д. 1921, л. 163, 166, 227, 340; д. 2010, л. 6; Ковалев П.А. Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны (1916 — май 1917 гг.). — Ташкент: Госиздат Узбекской ССР, 1957, с. 82.

⁴ РГВИА, ф. 1915, оп. 2, д. 6, л. 5, 6, 8, 50.

⁵ РГВИА, ф. 9554, оп. 1, д. 7, л. 1; д. 8, л. 18.

⁶ Там же, л. 1, 2, 6, 13, 15, 54, 156.

⁷ Там же, л. 139.

⁸ РГИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1920, л. 4, 7; Ковалев П.А. Указ. соч., с. 98.

датским нормам¹. Продовольствие и заработная плата выдавались со дня прибытия реквизируемых на распределительные пункты фронта.

Согласно приказу главного начальника снабжения армий Западного фронта № 399 от 29 июня 1916 г. плата рабочим производилась в половинном размере во время карантина, а также во время болезни реквизируемого более 3 дней (но не свыше 2 недель) с обязательным освидетельствованием врача. После 2-недельной болезни выдача платы прекращалась, а через месяц, если больной не поправлялся, ставился вопрос об его отправке на родину. Денежное довольствие рабочим начислялось не только за дни работ, но и за время нахождения в пути (поезде, пароходе)².

Однако в действительности деньги выплачивать начали только после Февральской революции. Так, начальник 42-й партии докладывал рапортом от 12 апреля 1917 г., что «а) первый расчет рабочих инородцев вверенного мне отряда был произведен 23 марта за время работ с 15 февраля по 14 марта в) второй расчет произведен сего 12 апреля за время работ с 15 марта по 10 апреля с/г с) за время следования рабочих инородцев со дня посадки в поезд до 14 февраля произведен расчет 12 апреля в с. Вербены»³.

Отсутствие четкого законодательства и понятного для начальников на местах алгоритма действий нередко приводило к тяжелым последствиям. Многочисленные жалобы и ходатайства заставили императора высказать пожелание навести порядок в этом вопросе, а 26 октября 1916 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего издал приказ № 1490 «Об учреждении инспекции инородческих рабочих дружин при главном управлении военных сообщений Ставки». Инспекция состояла всего из 2 лиц: начальника, генерал-майора С.-Г. Еникеева и его заместителя полковника Джурабекова. Размещалась инспекция в Пскове, а в феврале 1917 г. была переведена в Киев⁴.

В конце октября С.-Г. Еникеев выезжает на первую инспекцию. Вместе с инженером С. Чаевым он проехал по строящейся железной дороге Псков

¹ РГВИА, ф. 1468, оп. 2, д. 303, л. 66, 67, 135; д. 1920, л. 11; ф. 1915, оп. 2, д. 6, л. 8.

² Там же, ф. 9554, оп. 1, д. 7, л. 21, 43.

³ Там же, л. 182.

⁴ Ковалев П.А. Указ. соч., с. 99.

– Опочка – Полоцк, где трудились на землекопных работах 3 эшелона тыловиков из Ташкента и Самарканда. Генерал отметил, что рабочие размещены в полужемлянках (т.е. бревенчатых или тесовых бараках, врытых в землю), окон в них мало, темно. Довольствие тыловиков было таким же, как и у солдат армии, но инспектор обращал внимание на плохое качество хлеба.

Совещание при начальнике военных сообщений Северного фронта, состоявшееся 15 декабря 1916 г., сделало вывод, что из 8 железных дорог, на которых работали тыловики, только на 2 были созданы относительно нормальные условия жизни⁵.

В начале 1917 г. Еникеев обследует Западный фронт, где положение тыловиков оказалось не лучше, чем на Северном фронте. Питаться и одеваться на мизерные деньги, которые оставались у тыловиков после всех вычетов и штрафов, было невозможно, поэтому многие продали одежду и обувь. В качестве пищи было только варево – т.е. мелко нарезанная конина в подсоленной воде. Ни мука, ни крупа, ни картофель в это варево не добавлялись. Но даже и на такое варево продукты брались в кредит в местных лавках. К концу февраля 1917 г. общий долг рабочих в этом месте составил более 6 тыс. руб. Кроме того, рабочие были лишены чаевого довольствия и вынуждены были использовать плохую болотную воду. Из-за некачественной пищи и воды среди тыловиков был большой процент заболевших. Еникеев насчитал около 150 больных, которым никто не оказывал медицинскую помощь и которые продолжали находиться среди здоровых, в тех же бараках⁶.

Были и случаи производственного травматизма.

Вместе с тем у части реквизируемых наблюдалось стремление уклониться от работы, сказавшись больным.

В марте 1917 г. на Юго-Западном фронте был объявлен карантин по подозрению на сыпной тиф. Для реквизируемых рабочих для дезинфекции и дезинсекции были организованы помывки в бане, стирка и обработка белья. Но добровольно из 9-й сотни 42-й рабочей инородческой партии явились в баню только 65 чел., а остальные

⁵ Там же, с. 100, 101.

⁶ Там же, с. 102, 103.

были выпущены на работу. Врач написал жалобу начальнику партии, а последний издал приказ отменить работы, продлить карантин на 2 недели и обязать помыть всех в бане¹. Кроме того, из-за роста числа заболеваний реквизированных заразными болезнями начальник партии Г.Д. Королев запретил своим подчиненным отдавать белье для стирки местным жителям².

Начальники партий указывали, что в связи с отсутствием соответствующего законодательства, касающегося рабочих, призванных в порядке мобилизации, признание части из них медиками в качестве больных и подлежащих увольнению вызывает множество вопросов, которые никто не разъясняет, например, в чем причины заболевания. Вопросы остались нерешенными, т.к. власть вскоре пала, а новая решила просто распустить инородческие рабочие дружины.

Часть реквизированных умерла во время работ от травм и болезней.

Более того, даже в апреле 1917 г. в партии прибывали отставшие от них, заболевшие на сборных пунктах и отправленные в госпитали. Это свидетельствует о том, что армейская, да и государственная система еще были работоспособны и по инерции добивались определенного результата. Их окончательная деградация началась позднее, осенью³.

Рабочие команд проявляли свою индивидуальность, свой подход к выполнению трудовых обязанностей, свое усердие или, наоборот, лень и отлынивание. Командование отмечало заслуги трудолюбивых и исполнительных. В марте 1917 г. к награждению медалями от 2-го отряда 42-й партии были представлены 134 чел. 2-й отряд состоял из 6, 7, 8, 9 и 10 сотен и насчитывал почти 500 чел., т.е. достойными наград, по мнению начальника партии, были почти 26% общей численности⁴.

В то же время нерадивых, ленивых стремились наказывать. На рабочих налагались многочисленные штрафы, в первую очередь за сломанный (преднамеренно или непреднамеренно) инструмент. Так, за сломанный топор брался штраф в 13,5 руб., за сломанную пилу — 19,5 руб. Были

и другие меры воздействия, вплоть до ареста⁵.

После Февральской революции 30 марта 1917 г. совещание в Ставке решило сократить число ртов, находящихся на довольствии интенданств, в первую очередь всех находящихся на работах реквизированных. Наконец, 24 апреля Временное правительство постановило возвратить на родину всех реквизированных туркестанцев, а 5 мая распространило это постановление и на прочих нерусских рабочих с окраин империи⁶.

На работы реквизированных прекратили выводить 10 апреля. С этого момента начинается процесс отправки призванных по домам.

Полностью демобилизация рабочих партий заняла несколько месяцев и закончилась в июле 1917 г.

Таким образом, царское правительство и военное министерство пытались в условиях войны восполнить истощение людских ресурсов за счет привлечения к работам на нужды обороны представителей народов, освобожденных от воинской повинности. В ходе призыва военное руководство стремилось учитывать национальные, религиозные и бытовые особенности мобилизованных. Особенно активно привлекались к работе в инородческих партиях религиозные и общественные деятели (на добровольческой основе).

Сама организация тыловых работ с точки зрения управления была организована достаточно четко. Собственно призывом занималось Военное министерство. На местных гражданских начальников была возложена обязанность обеспечить реквизированных одеждой и обувью, но за счет денежных средств Военного министерства. По прибытии на фронт партии попадали в подчинение Ставке Верховного главнокомандующего и командующим армиями фронтов и передавались в распоряжение главных начальников снабжения, которые использовали их, исходя из наиболее острых потребностей армии.

Такая система позволяла достаточно эффективно использовать рабочие партии и сохранять их работоспособность и управляемость и после смены власти в феврале

¹ Там же, д. 7, л. 57.

² Там же, л. 29.

³ Там же, д. 7, л. 153.

⁴ Там же, л. 135, 158.

⁵ Ковалев П.А. Указ. соч., с. 102, 103.

⁶ РГИА, ф. 1292, оп. 1, д. 1921, л. 340, 341, 378; д. 1922, л. 18, 32, 37, 47, 71, 72; РГВИА, ф. 1468, оп. 2, д. 320, л. 341, 392, 456.

1917 г., вплоть до роспуска реквизируемых по домам. Сами партии нередко были многонациональными, но отряды и особенно сотни стремились комплектовать и сохранять моноэтническими – таким образом было проще обеспечить сотни управленческими кадрами, переводчиками и служащими культа. Изначально невысокий культурно-бытовой уровень реквизируемых заставил армейское командование подтягивать их до уровня общероссийских строевых частей.

Очень многое в организации работ, бытовых условий жизни реквизируемых зависело от личностных качеств начальников партий, их управленческих способностей и порядочности. Не способствовали должной трудовой отдаче и обычные для тыла русской армии пороки: воровство положенного призывным продовольствия и обмундирования, взяточничество, хамство и грубость командования партий и отрядов в отношении этнических меньшинств.

В то же время и сами рабочие были

людьми разными: кто-то трудолюбив, а кто-то и откровенно пытался отсидеться в землянках, отлынивая от работы или пытаясь срочно найти у себя какую-нибудь болезнь и попасть в госпиталь. Командованию приходилось достаточно жестко наводить порядок и пресекать попытки отсидеться за спинами землянков.

Вместе с тем, хотя опыт оказался невыгодным и неэффективным в условиях мировой войны, он, тем не менее, позволил властным структурам приобрести несомненный опыт в организации призыва народов, не имевших даже посемейных списков, узнать особенности их восприятия армейской службы, выявить недостатки в организации данного мероприятия.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Этнические формирования российской армии в годы Первой мировой войны», проект №13-01-00232.